

УДК 316.014

DOI: 10.17223/1998863X/47/16

А.П. Глухов

ДОМЕСТИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

На основе концепций ресоциализации межличностных отношений под влиянием социальных медиа, в частности теории полимедиа М. Мандиану и Д. Миллера, в статье представлен микросоциологический анализ трансформации таких типов межличностных отношений, как виртуальный флирт, френдинг и троллинг. Выдвигается обоснованное предположение, что данный тип номинаций / отношений можно интерпретировать как квазиблизкие (т.е. маргинальные между интимными и публичными).

Ключевые слова: социальные медиа, межличностные отношения, полимедиа, квазиблизкие отношения.

Введение: обзор подходов

В XXI в. наряду с многочисленными изменениями, вызванными четвертой промышленной революцией, происходит реконфигурация и пересборка достаточно консервативного типа повторяющихся интеракций, мало изменяющегося на протяжении истории, – межличностных отношений.

Фундаментальная особенность влияния новых медиа на отношения, как ее видит голландский социолог Ян ван Дейк в своей работе «Сетевое общество», состоит в том, что «технология позволяет эффективно контролировать контакты и последующее общение. Эти процессы можно планировать более чем когда-либо до сих пор. Вероятным следствием является сокращение числа случайных встреч в медиа сетевого общества. Наиболее вероятным результатом окажется то, что социальные отношения будут становиться более прагматичными, деловыми и рационализированными. Побочным эффектом может быть упадок традиционных социальных навыков, таких как гибкое реагирование на случайные встречи в публичном пространстве» [1. Р. 233].

В качестве иллюстрации избирательности, рационализма и возможностей менеджмента отношений Ван Дейк приводит пример организации романтических отношений на сайтах онлайн-знакомств: «Это хороший пример повышения избирательности и потенциала контроля над онлайн-социальными контактами. В данном случае фантастический романтический идеал нахождения «единственного» шанса заменяется более деловым поиском потенциальных партнеров с определенными параметрами» [Ibid. Р. 234]. Более того, со временем «традиционные навыки ухаживания и флирта могут быть потеряны и заменены навыками онлайн-управления кастингом» [Ibidem].

Представители цифровой антропологии как особого поля исследований предлагают выйти за рамки спекулятивных предложений о последствиях распространения новых средств коммуникации и сосредоточиться вместо

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 18-011-00225 «Культура сетевых полупубличных коммуникаций цифрового поколения».

этого на тех открытиях, которые сейчас доступны через подробные этнографические исследования.

С. Бредбент отмечает резкий поворот в исследованиях виртуальной коммуникации, произошедший с начал 2000-х гг. с появлением и распространением мобильной связи: от первоначальной эйфории, связанной с надеждами на возобновление комьюнити и создание новых форм социальной жизни, исследователи пришли к выводу, что опосредованные коммуникации инициируют процессы приватизации и индивидуализации [2. Р. 129]. Подобные наблюдения практики приватизации общественного пространства среди пользователей мобильных телефонов хорошо вписываются в рамки социологической дискуссии об исторической эволюции социальности в сторону сокращения социальной сплоченности и участия общественности [3].

Как естественная интеллектуальная реакция на новый скачок в развитии коммуникативных технологий чрезвычайно распространен в интеллектуальной среде критический подход к оценке интернет-коммуникаций как инструмента редукции аутентичного межличностного общения.

Чем больше времени пользователь проводит в Интернете, тем меньше времени он тратит на аутентичные отношения. Краут, Паттерсон и др. обнаружили, что частое использование сайтов социальных сетей приводит к циклическим психологическим отклонениям [4]. Как отмечают аналитики [5], пользователи социальных сетей, как правило, не выпускают из рук свои гаджеты и используют сетевые мобильные приложения, даже во время встреч лицом к лицу со своими друзьями. Становится почти невозможным обнаружить людей, прогуливающих без мобильных устройств в руках. Уэлман и его коллеги описывают «семьи после семьи», которые взаимодействуют со своими устройствами больше, чем друг с другом [6].

Шерри Тёркл в книге «Одиночество совместно» («Alone together») отмечает утрату рефлексивности и реактивность реакций современных подростков, коммуникационные технологии заставляют их быть всегда подключенными: «Текстовый мир быстрого реагирования не то чтобы делает вообще невозможным самоанализ, но мало способствует его развитию. Когда коммуникативные обмены переформатируются под формат небольшого экрана и сводятся к эмоциональной стенографии смайликов, это приводит к неизбежным упрощениям коммуникации» [7. Р. 143].

Как только исследователи выяснили интенцию мобильной связи на поддержку приватности коммуникаций («мобильные телефоны позволяют людям поддерживать постоянный контакт в интимной сфере отношений» [2. Р. 129], было установлено, что и другие цифровые технологии используются главным образом для поддержки небольшого числа контактов в рамках близких отношений: «...пользователи мгновенного обмена сообщениями, например, независимо от длинных списков друзей, взаимодействовали, прежде всего, с несколькими членами семьи и близкими друзьями» [8].

Британские исследователи-антропологи сетевых межличностных коммуникаций М. Мадриану и Д. Миллер в статье «Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении» [9] предлагают вниманию новую теория полимедиа, позволяющую понять последствия использования цифровых средств коммуникации именно в межличностной коммуникации. Авторы утверждают, что из пользователей «ред-

ко кто ограничивает себя одним средством коммуникации, большинство оперируют репертуаром альтернативных медиа, которые могут быть связаны с разными людьми, разными типами сообщений, а также с вопросами сдерживания и выражения эмоций. Для каждого человека полимедиа представляет собой его персональный репертуар средств коммуникации и эмоциональных регистров» [9. С. 347].

Основывая свое этнографическое исследование на кейсах сетевой коммуникации мигрантских семей, авторы приходят к выводу, что мигранты используют социальные медиа не как разрозненный набор технологий, но как комплексную коммуникативную среду, позволяющую, благодаря широкому арсеналу предоставляемых возможностей, различным образом выстраивать различные межперсональные отношения. Предлагаемая теория полимедиа дает возможность акцентировать момент рефлексивности выбора тех или иных сервисов, технологий и форматов общения в рамках среды социальных медиа в отношении моральных последствий выбора между этими различными типами. С точки зрения исследователей, выбор определенного средства коммуникации не случаен, но движим определенным коммуникативным намерением. Управление полимедиа-средой становится частью управления и выстраивания межличностных отношений.

Выбор канала коммуникации в отношении его синхронного / асинхронного характера сильно зависит от властной позиции и статуса собеседника и предполагает стратегию ненавязчивого привлечения внимания через асинхронный канал в случае низкого иерархического статуса инициатора контакта или требовательное использование синхронного канала связи в случае более высокой статусной позиции. Данный процесс доместикации и адаптации социальных медиа под установки и стратегии пользователей с определенной социальной идентичностью исследователи называют ресоциализацией медиа [2. Р. 139]. Ключевым признаком этого процесса является рефлексивное отношение к выбору конкретного носителя или формата, обусловленное как социальной, так и личностной позицией: «...атрибуция моральной ответственности фактически ресоциализирует использование медиа, когда мы переходим от технологических соображений к новым нормам, которые существуют в любом данном обществе вокруг значения каких-либо конкретных медиа» [10. Р. 157]. Социальные медиа сами эволюционируют и трансформируются в сторону полимедийности, поскольку их функция смещается в направлении предоставления эффективной инфраструктуры для выстраивания близких отношений или слабых связей.

Исследовательский дизайн и методология

В 2018 г. в Томском государственном университете стартовал исследовательский проект, направленный на изучение трансформации коммуникативной культуры в области повседневных межличностных виртуальных коммуникаций цифрового поколения в социальных медиа. Его цель – описание и концептуализация характеристик «цифровой грамотности» и коммуникативного порядка сетевой полупубличной (semi-public) коммуникации как основы виртуальной коммуникативной культуры.

В данной статье из всего комплекса элементов виртуальной коммуникативной культуры мы затронем только одну ключевую тему – новое ролевое

номинирование и фреймирование межличностных отношений как квазиблизких.

Изначально дизайн исследования строился на предпочтительном использовании качественных методов социологического исследования как наиболее адекватно отвечающих заданной цели описания цифровых компетенций и коммуникативного порядка сетевой полупубличной коммуникации.

Для описания интериоризации и применения в среде продвинутых пользователей студенческой аудитории вузов Томска новой виртуальной культуры полупубличных коммуникаций и менеджмента коммуникаций цифровым поколением Z были использованы методы анализа творческих эссе на заданную тему, глубинных (полуструктурированных или лейтмотивных) интервью и фокус-группы как в офлайн-, так и в онлайн-формате (ссылка на материалы исследовательской онлайн фокус-группы «Менеджмент режимов коммуникации»: <https://vk.com/event163852830>).

В исследовании приняли участие обучающиеся различных уровней образования и направлений подготовки, в основном магистранты; рекрутинг участников осуществлялся на основе принципа доступности, способности к саморефлексии и высокой цифровой компетентности.

Ролевое номинирование в социальных сетях: квазиблизкие отношения виртуального флирта, френдинга и троллинга

Одной из ключевых задач исследовательского проекта являлась тематизация нового типа фреймирования квазимежличностных отношений представителями цифрового поколения (сетевой флирт, френдинг, троллинг, фоллоуинг) как новой статусно-ролевой маргинальной номинации. Было сделано предположение о квазиблизком характере данного типа виртуальных межличностных отношений, маскирующем за счет использования лексического ряда понятий из области сильных связей (любовь, дружба, вражда, поклонение) «пограничный» тип отношений, основанный на смешении межличностных / деловых ролей и статусов в рамках сетевой коммуникативной культуры. По аналогии со сферами воинского или этнического «братства» или политического вождизма с восприятием лидера как «отца нации» номинация «френда» или романтического поклонника в социальных сетях призвана служить психологическому «утеплению» отношений, но никем из участников не воспринимается буквально.

В плане поддержания романтических отношений в сети большинство респондентов отмечают их более высокую управляемость и в то же время симулятивный характер: *Задача наладить внутренний контакт посредством симуляции расположения – виртуальные стикеры и подарки, картинки с сердечками и цветочками, все это упрощает ситуацию ведения коммуникации (смайл с розочкой доступен по паре кликов, розочка в реальности стоит денег и т.д.)* [Д.И.] (здесь и далее инициалы респондента, орфография и пунктуация авторов сохранены. – А.Г.).

В поддержании романтических виртуальных отношений, по мнению респондентов, в наибольшей степени обнаруживается недостаток социальных «подсказок», позволяющих составить реалистичное представление о партнере по отношениям, которое мгновенно формируется при личной встрече offline: *Могу сказать, что большинство неадекватно оценивает виртуального*

партнёра. Это как игра с завязанными глазами. Ты не видишь, но пытаешься понять на ощупь, угадать на вкус. Многие люди склонны додумывать то чего они не знают в более выгодном для себя ключе. Потому, виртуальные собеседники всегда лучше, чем реальные [С.Д.].

Часть респондентов изначально интерпретирует романтические отношения online как несерьезные и игровые: ...даже, если присутствуют ЖЕРТВЫ, то это скорее симуляция ЖЕРТВЫ. Игра, тренинг, что-то вроде компьютерной игры Sims [И.Д.].

При этом, суррогатный характер виртуальных романтических отношений проявляется в их переходном характере, либо они служат мостиком к offline-отношениям, либо при личной встрече оказываются неудачными в результате иллюзорного видения партнера: Ситуация, когда человек, общение с которым понравилось мне в сети, не понравился при личной встрече, было много раз. Как раз таки дело в сопоставлении основных факторов – я вижу, я слышу, я обоняю, я трогаю. Этого в виртуальном окружении нет. Кто-то курит, кто-то обладатель ужасного голоса, кто-то хитро цурируется, что становится не по себе [С.Д.].

В рамках реальных романтических отношений социальные сети и мессенджеры используются трояко. Во-первых, как инструмент синхронной континуальной поддержки отношений, особенно важный для партнерш по отношениям: ...отношения как поддержка. Ну ответ в вопросе. Это доп. способ связи с партнером, можно сказать бонус современного общества. Ведь быть рядом двадцать четыре часа в сутки не реально, а благодаря мессенджерам и соц. сетям можно попытаться [Е.О.].

Во-вторых, как инструмент мониторинга и контроля за поведением партнера и отношениями со сторонними людьми: Мониторинг активности конечно ведется, причем достаточно скрупулезно, часто люди следят за каждым лайком партнера и его адресатом, за тем, кого он добавляет в друзья и кому отвечает на комментарии, что порождает страшную штуку – ВИРТУАЛЬНУЮ РЕВНОСТЬ [Д.И.].

В-третьих, соцсети могут выступать как инструмент публичного обозначения отношений: Можно поставить статус в соц. сети. Зачастую это больше нужно для девушек. Если статуса нет - это знак, что девушка свободна и ей можно написать. Статус в соц. сети - это как определение границ между собеседниками (в каком стиле они будут общаться и будут ли общаться вообще) [О.З.]. Степень допустимой публичности и выставления напоказ романтических отношений сильно варьируется у различных респондентов.

Резюмируя, можно отметить, что виртуальные романтические отношения в социальных сетях воспринимаются большинством информантов в несерьезном, игровом, суррогатном формате флирта, который может перерасти / не перерасти в близкие отношения только в случае offline-встречи.

В отношении возможностей виртуальной дружбы присутствует широкий диапазон мнений представителей цифрового поколения от восприятия виртуального френдинга как симуляции до неотличимости offline и online дружеских отношений.

Пессимисты утверждают, что для дружбы в сети не хватает возможности личностных инвестиций и совместного опыта проживания: Дружба и любовь,

когда ты вкладываешь хоть немного. А как вкладываться в сети? [Г.П.]; Также важно, что любые отношения людей поддерживаются двумя составляющими – общие интересы и совместно пережитый опыт, и если обсуждать какие то общие темы в сети можно, то что касается совместного опыта, пережитых ситуаций – то в сети с этим очень сложно [Ю.П.].

Оптимисты утверждают, что принципиальных отличий нет, а современные средства коммуникации, обеспечивая мультимедийный контакт, позволяют получить комплексное представление о партнере по коммуникации: *Дружеские отношения могут быть вполне реальными и в сети. Нет ничего страшного в том, что ты не видишь собеседника. Если вам так удобнее или нет другого выхода – пожалуйста! Цели всегда одни и те же: найти поддержку, собеседника, помощника [А.К.].*

Большинство респондентов используют общение в социальных медиа как online-поддержку реальных дружеских связей, дающую возможности оперативного обмена информацией и эмоциями: *На мой взгляд, сейчас мы имеем возможность поддерживать бесконечный диалог, перетекающий из офлайн в онлайн и обратно. А бывают ситуации, когда ты или твой друг уезжаете куда-то, то тогда только онлайн-коммуникация (не считая телефонных звонков, которые, в принципе, можно заменить, на видеозвонки) [Е.Б.].*

Обобщая, можно сделать выводы, что исключительно online-френднинг имеет в глазах большинства респондентов симулятивный характер, поскольку для по-настоящему близких отношений ему не хватает личностных инвестиций участников и возможности составить адекватный образ партнера в силу ограниченности каналов связи и отсутствия социальных «подсказок»; в то же время социальные сети как поддержку реальных дружеских отношений используют все наши информанты.

При описании и характеристике троллинга респонденты подчеркивают такую его отличительную черту, как анонимность самого инициатора – «тролля», а также безличность его «жертвы», отсутствие индивидуальной, личностной обусловленности вражды: *...троллю без разницы кто перед ним, его главная цель получить удовольствие от этого процесса, когда это закончится, он скорее всего забудет, кого троллил, а вражда офлайн может длиться довольно долго. В офлайне враг не будет так открыто выступать, скорее всего, все будет происходить за «спиной» у человека, и возможно будут редкие стычки. Главное различие тролля от офлайн врага это наличие антипатии у офлайн врага к определенному человеку, а у троллей нет антипатии к конкретному человеку [В.Б.].*

Многие респонденты отмечают наличие анонимности «тролля» как сильно растормаживающий процесс троллинга фактор: *Очень просто – маска снимает ответственность с личности. За любое социальное действие социальный субъект несет ответственность, а анонимный – нет, это дает ложное чувство свободы [В.К.]; ...анонимность также защищает тебя. Ты ведь не нападаешь на таких же анонимов, а на реальных юзеров, а ты по факту никто и как появился внезапно так внезапно и исчезнешь. Ты не несешь никаких издержек, например, репутационных, если ты вот такой жирненький анонимный [М.К.].* Одна из пользовательниц называет подобный катализирующий эффект эффектом невидимки.

Позитивно относящиеся к феномену троллинга и троллям информанты ищут для себя рационализацию одобрения подобного вида активности в дистинкции троллинга на «толстый» (простые, безыскусные, грубые оскорбления) и «тонкий» (вид интеллектуального турнира, тонкого стёба).

Помимо анонимности участников и безличности вражды респонденты видят ключевое отличие троллинга от реального противостояния offline в несерьезности последствий для участников и отсутствии ресурсов, которые стоят на кону: *Сетевого тролля мы можем никогда не видеть и не слышать в реальной жизни, его мы можем кинуть в черный список или игнорировать. Поведение врага в реальной жизни куда больше отличается от тролля в сети возможностью физического контакта. Действия врага в реальной жизни конечно можно игнорировать, но иногда это просто невозможно [А.Л.]; ...все зависит от степени неприязни, тролль в сети не нападет на тебя с битой возле дома [М.К.]*.

Резюмируя, можно отметить, что представители цифрового поколения хорошо понимают симулятивный характер такой социальной активности, как троллинг (частично обусловленной причинами психопатологического порядка), проявляющийся в анонимности, отсутствии личностной интенциональности и серьезных (затратно-ресурсных) последствий, а также в возможности прервать в любой момент ненужный контакт.

Обращаясь к интерпретации сильных связей, основанных на близких отношениях, М. Гранновetterом, можно отметить, что различия в степени близости людей можно измерять через определение комбинации затрат времени, эмоциональной интенсивности общения, близости / раскрытия (взаимного доверительного общения) и взаимных услуг, которые все вместе и характеризуют силу связи [11].

Поддержание отношений с помощью социальных медиа дистанционно значительно экономит ресурсы времени, эмоций, самораскрытия и услуг со стороны партнеров по коммуникации (что выражается, в частности, во взрывном росте объема отношений – увеличении количества френдов – за счет сокращения издержек на поддержание отношений с каждым из них), но оборотной стороной сокращения издержек является снижение ценности подобных отношений для участников и вытекающая отсюда необязательность серьезной поддержки партнера по взаимодействию. Отношения, оставаясь по номинации близкими, на деле являются квазиблизкими, занимая маргинальное положение между действительно интимными интеракциями и публичными (порой, в случае френдинга, деловыми) или симулятивно-игровыми коммуникациями. Природа подобного рода квазиблизких отношений требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Dijk J. van The Network Society. Social Aspects of New Media. London : SAGE Publications Ltd., 2006.
2. Broadbent S. Approaches to Personal Communication // Digital Anthropology / Ed. by Heather A. Horst, Daniel Miller. English edition. Berg, 2012. P. 129.
3. Sennett R. The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. New York : W.W. Norton, 1998.
4. Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukophadhyay T., Scherlis W. Internet paradox: a social technology that reduces social involvement and psychological well-being? // American Psychologist. 1998. 53(9). P. 1017–1031.

5. Busko M. Cell phone crazy: anxiety linked with increased cell-phone dependence, abuse. 2009. URL: <http://cellphonecrazytech.blogspot.com/2009/08/anxiety-linked-with-increased-cell.html> (accessed 20.11.2018).
6. Wellman B., Hogan B. Connected Lives: The Project // P. Purcell (Ed.). Networked Neighbourhoods. London : Springer-Verlag, 2006.
7. Turkle Sh. Alone together : why we expect more from technology and less from each other. Published by Basic Books. 2011.
8. Kim H., Kim G.J., Park H.W., Rice R.E. Configurations of Relationships in Different Media // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. 12(4): article 3.
9. Мадяну М., Муллер Д. Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении / пер. с англ. А. Пауковой, В. Чумаковой // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 334–356. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.17 (PDF) Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32535333_75189797.pdf (дата обращения: 26.12.18).
- 10 Miller D. Social Networking Sites // Digital Anthropology / Ed. by H.A. Horst, D. Miller. English edition. Berg, 2012. P. 146–165.
11. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // The American Journal of Sociology. 1973. 78 (6). P. 1360–1380.

Andrey P. Glukhov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 149–157.

DOI: 10.17223/1998863X/47/16

DOMESTICATION OF SOCIAL MEDIA AND RE-SOCIALIZATION OF INTERPERSONAL RELATIONS

Keywords: social media; interpersonal relationships; polymedia; quasi-close relationships.

The article analyzes the phenomenon of the formation of a network communicative culture among the digital generation in the social media space in the field of interpersonal relations on the example of quasi-close virtual relationships of virtual flirting, friending and trolling. The analysis of the concepts of re-socialization of interpersonal relations under the influence of social media is presented. The key positions and problems of Jan van Dijk's concepts of controllability of the relations and Mirca Madianou & Daniel Miller's polymedia are considered. A study of the virtual communication culture of the Tomsk university students as representatives of the network generation Z with a high digital competence was made. The methods used in the study were analyzing creative essays on a given topic, in-depth interviews and focus groups, both offline and online. The study thematized role-nomination and filling of virtual quasi-close relationships as an element of the new network communication culture. It is argued that virtual romantic relationships in social networks are perceived by the majority of informants in a frivolous, playful, surrogate format of flirting, which can grow/not grow into close relationships only in the case of offline meetings. With regard to virtual friendship, it is confirmed that, in the eyes of most respondents, exceptional on-line friending is simulative, since for really close relationships, it lacks the participants' personal investments and the opportunity to create an adequate image of a partner due to limited communication channels and lack of social cues. At the same time, social networks, as support for real friendships, are actively used. It is also noted that representatives of the digital generation are well aware of the simulative nature of such a social activity as trolling (partly due to the psychopathological reasons) manifested in anonymity, lack of personal intentionality and serious (cost-resource) consequences, as well as the ability to interrupt an unnecessary contact at any time. Conclusions are made about the explosive growth in the volume of relations, in particular, the increase in the number of friends, by reducing the cost of maintaining relationships with each of them; the downside is in the form of reducing the value of such relationships for participants and their consequent simulation-game nature.

References

1. Dijk, J. van (2006) *The Network Society. Social Aspects of New Media*. London: SAGE.
2. Broadbent, S. (2012) Approaches to Personal Communication. In: Horst, H.A. & Miller, D. (eds) *Digital Anthropology*. Berg Publishers. pp. 129.

3. Sennett, R. (1998) *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*. New York: W.W. Norton.
4. Kraut, R., Patterson, M., Lundmark, V., Kiesler, S., Mukophadhyay, T. & Scherlis, W. (1998) Internet paradox: a social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *American Psychologist*. 53(9). pp. 1017–1031. DOI: 10.1037/0003-066X.53.9.1017
5. Busko, M. (2009) *Cell phone crazy: anxiety linked with increased cell-phone dependence, abuse*. [Online] Available from: <http://cellphonecrazytech.blogspot.com/2009/08/anxiety-linked-withincreased-cell.html>. (Accessed: 20th November 2018).
6. Wellman, B. & Hogan, B. (2006) *Connected Lives: The Project*. In: Purcell, P. (ed.) *Networked Neighbourhoods*. London: Springer-Verlag.
7. Turkle, Sh. (2011) *Alone together: why we expect more from technology and less from each other*. Basic Books.
8. Kim, H., Kim, G.J., Park, H.W. & Rice, R.E. (2007) Configurations of Relationships in Different Media. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 12(4). Article 3. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00369.x.
9. Madianu, M. & Miller, D. (2018) Polimedia: novyy podkhod k ponimaniyu tsifrovyykh sredstv kommunikatsii v mezhlchnostnom obshchenii [Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication]. Translated from English by A. Paukova, V. Chumakova. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 1. pp. 334–356. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.17
10. Miller, D. (2012) Social Networking Sites. In: Horst, H.A. & Miller, D. (eds) *Digital Anthropology*. Berg Publishers. pp. 146–165.
11. Granovetter, M.S. (1973) The Strength of Weak Ties. *The American Journal of Sociology*. 78(6). pp. 1360–1380. DOI: 10.1086/225469